

КИТЧ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАЗАХСТАНА

В этом тексте рассматриваются новые тенденции в архитектуре и дизайне городской среды, происходящие в «низовом», наиболее опрощенном и доступном уровне казахстанской культуры.

Стремление изменить городскую среду, как правило, первоначально проявляется в новых формах декорировки фасадов зданий, построенных в советское время, изменении функций первых этажей жилых зданий массовой застройки, элементах благоустройства. Особенностью таких новых веяний является то обстоятельство, что они полностью иницируются владельцами зданий и делаются при минимальном профессиональном участии архитекторов и дизайнеров.

Поверхностное подражание классицизму, барокко или ампиру представляет собой реализацию желания практически молниеносно изменить внешний облик советской типовой застройки. Но в целом, ампирный фасад на первом этаже четырехэтажной «хрущевки», скульптуры львов размером с собаку при входе в Институт физкультуры, или другие нелепые объекты в том же духе, являются не более чем китчем. Но сам по себе китч не однозначен. Активная форма проявления китча в переходный период говорит о многом. В том числе, может быть, и о самых сокровенных мыслях, которые сидят в головах людей, но вслух не провариваются. То есть результаты анализа специфики современного казахстанского китча могут быть, в том числе, и своеобразным индикатором идентичности активной части населения.

Застройка большинства казахстанских городов сложилась в советское время. Массовое строительство жилых массивов пришлось на 1960-80 гг. Все они застроены типовыми секционными домами и имеют крайне невыразительный внешний облик. Из-за жесткого применения ограниченного числа типовых проектов большинство жилых районов в разных городах схожи между собой как клоны.

В настоящее время на всем постсоветском пространстве помимо изменений материально-вещного окружения происходит изменение характера архитектуры в целом. Она становится более гибкой и более декоративной. При этом довольно часто имеет место стихийная реконструкция городской ткани в крупных казахстанских городах: меняется как характер среды отдельных участков города, так и их функции. Это происходит, прежде всего, в силу развития инфраструктуры обслуживания: появление множества небольших заведений обслуживания – кафе, парикмахерских, магазинов и различных контор преобразило первые этажи достаточно унылой жилой застройки. Затем эти заведения стали выходить на тротуары, захватывать пространство на втором и третьем этажах. В результате внешний облик участков застройки меняется до неузнаваемости.

Появляются и новые горожане – люди из сельских районов, недавно переселившиеся в город. Своей массой они оказывают ощутимое влияние на городскую культуру, часто определяя характер значимых для города объектов, оформляемых с учетом их эстетических предпочтений. Это различные

общественные и рекреационные зоны и объекты, в том числе рестораны и кафе.

Такая свобода в обращении с составляющими городской среды имеет следствием и то, что одним из ведущих ее проявлений становится китч.

Общепринятым определением китча является его лапидарное соотнесение с плохим вкусом в самом широком диапазоне [1]. Кроме того, отмечается [2], что в китче присутствует попытка подражания высокому искусству. Тот слой искусства, который переосмысливается по законам массового восприятия, с излишком и перебором во всем, определяется как китч. Классификационные признаки китча, присутствующие в искусствоведческих работах, позволяют почти безошибочно отнести к этому явлению культуры ряд проявившихся в последнее время тенденций в алматинской архитектуре. К основным характеристикам китча относятся:

- упрощенная подача художественной проблематики;
- опора на стереотипные образы, идеи и сюжеты;
- применение распространенных систем визуальных кодов с тяготением к «пышным» и «слащавым» формам. [3]

Казалось бы, здесь все понятно: плохой вкус заказчика, непрофессионализм или нежелание исполнителей ссориться с ним. Однако, парадокс ситуации заключается в том, что китч, вообще-то характеризующийся исключительно как негативное явление, в ситуации современной городской среды Казахстана играет безусловно позитивную роль, так как благодаря ему монотонная серая застройка городов стала выглядеть ярче и интересней. Взятые в отдельности каждое конкретное проявление китча в архитектурной среде является нелепым и смешным, но все вместе они формируют новый, более демократичный и открытый облик бывших советских городов, увеличивая «ассоциативную емкость» городской среды. Поэтому данное выступление представляет собой попытку апологии китча, предпринимаемую, конечно, с определенной долей осторожности.

В результате изучения изменений городской среды Алматы, крупнейшего города Казахстана, проводившегося силами студентов и преподавателей факультета «Дизайн» Казахской государственной архитектурно-строительной академии (КазГАСА) в 2004-2008 гг., установлено, что проявление китча в алматинской архитектуре последних лет имеет три ясно прослеживаемые направления [4].

К первому направлению, возникновение которого никто не мог прогнозировать, относится появление ретрозданий, имитирующих различные архитектурные стили прошлого. Это своеобразное явление «ложной памяти» в застройке, имитация архитектурного «культурного слоя». Так, в Алматы появились здания более или менее точно воспроизводящие стиль модерн, викторианскую псевдоготику, петровское барокко, «турецкую» версию интернационального стиля. Все они, несмотря на сомнительное качество исполнения и косвенную связь с прототипами, все-таки меняют облик города к лучшему, так как разнообразят среду и не изменяют сложившийся масштаб застройки.

Второй элемент новизны характеризует тенденция декорировки первых этажей в каком-либо архитектурном стиле. Это может быть «верненский жилой дом», городской особняк в стиле «русского классицизма», или «восточная архитектура» «прилепленная» к зданию советской постройки, выполненному в «интернациональном» стиле. Следующим примером «сочетания несочетаемого» является оформления входов. Уже появились атланты, украшающие вход в кирпичный типовой четырех этажный дом начала 1960-х гг., скульптуры львов разных размеров и степени профессиональной проработки, элементы Греко-римских ордеров – колонны и даже портики.

Третье направление – специфически оформляемые интерьеры. Их достаточно условно можно разделить на две категории. Первая относится в основном к заведениям общепита. Ее условно можно обозначить как «варварская». Помещения в таком «стиле» украшаются большими фотографическими изображениями различной снеди, искусственными растениями, мебель в основном пластиковая или имеющая металлический каркас. Вторая категория – «классическая». В ней присутствуют различные комбинации элементов, восходящих к темам греко-римского ордера. Разумеется, этот декор весьма условно соотносится с собственно архитектурными ордерами. Таким образом преимущественно оформляются интерьеры жилых домов, принадлежащих состоятельным казахстанцам и дорогие рестораны.

Здесь, помимо обычной для китча популярности и массовости, очевидно прослеживается тенденция казахстанского китча к его легитимизации и занятию места в элитарной культуре. То обстоятельство, что китч нравится, приводит к тому, что архитекторы и дизайнеры под давлением заказчика активно использует эстетику китча при работе над заказанными им объектами. То, что получается в результате – это не так называемый «кэмп», выявленный и зафиксированный С. Зонтаг [5]. Это нечто другое, в настоящее время с трудом поддающееся интерпретации. Условно эту особенность можно обозначить как *европейский вектор казахстанского китча*.

Это, прежде всего, отмеченная выше «любовь» к «классическим» формам и вообще популярность своеобразно воспринимаемого понятия «классика». Так, часто при обсуждении с архитектором характера будущего дома или интерьера квартиры заказчиком используются такие речевые обороты как «легкая классика», «добавить немного классики», «совсем тяжелой классики не надо» и т.д. Такое бессистемное использование элементов различных архитектурных ордеров и дилетантских фантазий на эту тему отражает ориентацию потенциальных потребителей на заимствованные у западной культуры образцы, представляющие собой самые расхожие представления о европейской архитектуре.

Интересным обстоятельством влияния заказчиков на архитекторов, на наш взгляд, является рост популярности у казахстанских студентов-архитекторов творчества Антонио Гауди. Значительное число курсовых и

дипломных проектов выполняются в «стиле Гауди». Авторы объясняют это обстоятельство тем, что такая архитектура нравится заказчикам.

«Европейскость» казахстанского китча проявляется также и в ориентальном характере «восточных» мотивов и архитектурных форм, появившихся в последнее время. Это взгляд на искусство и архитектуру «Востока» с точки зрения штампов западной культуры. Ярким примером такого отношения к культуре востока является оформление в «сакском стиле» ресторана «Иссык» в Алматы. В его интерьере воспроизводятся в увеличенном виде мотивы золотых украшений из самого известного сакского захоронения, найденного на территории Казахстана – Иссыкского кургана.

Аналогичный подход имеет место и в отношении казахской традиционной архитектуры. То есть, если интерьер оформляется в «казахском стиле», то это также всего-навсего ориентальная стилизация. Интерьеры таких комнат похожи на модернизированные декорации для шоу, очень приблизительно воспроизводящие интерьер казахской юрты.

Застройка новой столицы Казахстана Астаны является примером глобальной победы китча над здравым смыслом. Желание застройщиков и архитекторов разрушить образ советского областного центра реализовалось как символ многовекторности современной казахстанской идентичности. Так, в Астане присутствует кусочек Нью-Йорка, китайский дворец, шанхайская набережная, московские высотки и т.д. Посему, даже при поверхностном анализе архитектуры новых зданий и ансамблей Астаны, проведенном автором в 2003-2007 гг. [6,7], становится решительно очевидным, что современный казахстанец позиционирует себя, прежде всего, как человек европейской культуры и, во-вторых, как «гражданин мира». Вопрос - Так ли это на самом деле, остается открытым.

Наиболее авторитетные работы по проблемам китча, опубликованные с конца тридцатых годов двадцатого века по сегодняшний день, рассматривают наличие этого явления в таких областях культуры и искусства, как живопись (Clement Greenberg, Odd Nerdrum), массовая культура (Х. Ортега-и-Гассет, Walter Benjamin, Susan Sontag, Анна Яковлева), культура и искусство при тоталитарной форме правления (Г. Брех, Milan Kundera, Svetlana Boym) [1,2,5,8-15].

При рассмотрении совокупности этих работ становится очевидным, что китч в человеческой культуре существовал всегда. Это его «вечное» существование можно, скорее всего, представить в виде некоей области или «домена», в которой китч существует в виде «потенции» - возможности своего проявления вовне по мере надобности. Вторым важным следствием анализа работ, посвященных китчу, является гипотеза о том, что существуют «каналы» выведения (проникновения) китча «наружу» собственно в культуру. Они являются многочисленными и различными по характеру. Все они начинаются в загадочной области «постоянного проживания» китча в его потенциальной форме, завершаются же в самых непрогнозируемых областях культуры, включая и самые престижные. По своему характеру эти «каналы», скорее всего, представляют собой так называемый «вызов времени». В зависимости

от него китчем может стать, например, музыка Чайковского, Вагнера и Брамса, а живопись «таможенника» Руссо - явлением «высокого искусства» и т.д.

Внешне немотивированное и непрогнозируемое появление китча в городской застройке постсоветских городов – явление весьма показательное. Оно, в первую очередь, говорит о самодостаточной природе китча, его независимости от внешних обстоятельств. Его не совсем удачно можно сравнить с так называемой сорной травой, которая растет сама по себе и если ее не выпалывать, она может полностью вытеснить «культурную» травку.

Если «вынести за скобку» обвинения китча в «дурном вкусе» и «опрощении» можно смело утверждать, что китч сигнализирует о тяготении людей к чему-то очевидно позитивному, гармоничному, лишенному отрицательных черт. Реализация этого стремления происходит на различных уровнях культуры и имеет самые разнообразные проявления. Часто это стремление стимулирует занятия самостоятельными формами искусства, в том числе и архитектурой.

Отталкиваясь от результатов анализа форм китча, существующих в настоящее время в городской среде Алматы, его можно попробовать определить как доморощенный культ красоты, как мечту простого человека о красоте, престиже и достатке, искренне убежденного в эстетической ценности создаваемого собственными усилиями образа своего материально-вещного окружения и самих себя. Соответственно вещи и ансамбли, несущие в себе признаки китча, представляют собой материальное воплощение данной мечты.

Представляется, что «царство китча» в нынешней казахстанской архитектуре явление временное. Можно в связи с этим предположить, что китч в его особо активной форме существует и визуализируется в переходные периоды между «большими стилями», затем уходит на периферию культуры.

Остается только немного подождать появления этого нового «большого стиля», чтобы убедиться в правоте наших рассуждений.

Источники

1. Dorfles Gillo. Kitsch; the world of bad taste // Hardcover – 1969.
2. Greenberg Clement. Avant-garde and Kitsch //The Collected Essays and Criticism. Volume I. Perceptions and Judgments 1939-1944. Edited by John O'Brian. The University of Chicago Press, Chicago and London, p.5-22.
3. Сабитов А.Р., Таирова Д.М. Определения и характеристики китча как явления культуры. / Вестник КазГАСА, № 4, 2008. - Алматы: КазГАСА, 2008. – С. 64-72.
4. Сабитов А. Р. Современная городская культура Алматы и искусство китча // Современная архитектура и строительство: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции / Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. - Астана: 2006. – С. 54–56.
5. Sontag Susan. Notes on “Camp”//Against interpretation. – London: Vintage, 2001. – p. 275-289.

6. Сабитов А.Р. Новые жилые дома в г. Астана // Поиск. - Алматы: 2006, № 4. – С. 15-19.
7. Сабитов А.Р. Архитектура новой резиденции Президента Республики Казахстан дворца Ак Орда // Вестник КазГАСА. - Алматы: 2006, № 3 (21). - С.24-28
8. Walter Benjamin Dream Kitsch. Gloss on surrealism //Benjamin Walter. Selected Writings. Volume 2. 1927-1934. The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – 870 p.
9. Ортега и Гассет Х. Восстание масс. Перевод А. М. Гелескула, М: 1991 .
10. Кундера М. Невыносимая легкость бытия. - СПб:«Азбука-классика», 2007. – 256 с.
11. Odd Nerdrum. On Kitch. – Oslo: Kagge Forlag, 2001. – 104 p.
12. Voim S. Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. p. 342– 356. (356)
13. Брех Г. Психология масс. – СПб: Амфора, 2000. – 145 с.
14. Яковлева А. Китч и художественная культура. М.: Знание. № 11, 1990.

Доклад, сделанный на конференции «Национальная идентичность в Евразии: идентичности и традиции» в Оксфорде в марте 2009 года.